

УДК 342

**ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ ПУГАЧЕВА В КОНТЕКСТЕ СТОЛКНОВЕНИЯ
ЕСТЕСТВЕННОГО И ПОЗИТИВНОГО ПРАВА****Упоров Иван Владимирович**

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

uporov@list.ru

Аннотация

Исследуются проблема взаимодействия естественного и позитивного права на примере пугачевского крестьянского восстания (1773-1775 гг.), когда такие естественные права представителей низших сословий, как право на свободу, на достоинство личности, наталкивались на нормы позитивного (государственного) права, отражавшего интересы правящего класса. Этот конфликт на фоне активного развития буржуазных отношений в европейских странах в России вылился в массовый и жестокий крестьянский бунт. Данное явление имеет неоднозначное толкование - так, Пугачев с одной стороны, являлся преступником и был казнен, а с другой стороны, в более позднее время, был объявлен народным героем. Обосновывается соответствующая авторская позиция.

Ключевые слова: Пугачев, восстание, естественные права, позитивное право, свобода, общество, государство, закон, личность.

**PUGACHEV'S PROTEST MOVEMENT IN CONTEXT COLLISIONS OF
NATURAL AND POSITIVE LAW****Ivan V. Uporov**

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law Sciences, Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

uporov@list.ru

ABSTRACT

The problem of the interaction of natural and positive law is investigated on the example of the Pugachev peasant uprising (1773-1775), when such natural rights of representatives of the lower classes as the right to freedom, to the dignity of the individual, ran into the norms of positive (state) law that reflected the interests ruling class. This conflict, against the background of the active development of bourgeois relations in European countries in Russia, resulted in a massive and brutal peasant revolt. This phenomenon has an ambiguous interpretation - for example, Pugachev, on the one hand, was a criminal and was executed, and on the other hand, at

a later time, he was declared a national hero. The corresponding author's position is substantiated.

Key words: Pugachev, uprising, natural rights, positive law, freedom, society, state, law, personality.

Начиная с середины XVII в., в Европе в результате начала коренных общественных преобразований буржуазного характера стали формироваться вполне определенные социальные ценности, которые в дальнейшем, и до сих пор, закрепляются как фундаментальные человеческие права, именуемые естественными правами (в числе таких благ следует назвать прежде всего право на жизнь, право на свободу, право на достоинство личности и др.). Институт естественных прав исследован такими авторами, как Д.С. Кураженков, Д.М. Худoley, Г.Ч. Синченко, Н.М. Николаенко, Х.М. Казанов, Э.Л. Тинант, Д.Р. Мамбетов, Б.С. Лентьев, Б.И. Ключко, Б.С. Шалютин, А.С. Ивушкин, А.В. Поляков, А.А. Петренко, Ю.А. Даниленко и др. Здесь же заметим, что повышение значимости указанных и иных ценностей явилось следствием непрерывного социального развития человечества, которое, пройдя этап первобытнообщинного строя, стало формировать определенные правила, институционализируемые в виде государства и права. И уже в их рамках произошел отказ от рабства как формы социальных отношений в пользу расширения личных прав отдельных индивидуумов. Предварительно констатируем далее то обстоятельство, что такой вектор развития общественных отношений современной гуманитарной наукой однозначно оценивается как позитивный, что подтверждается нормами конституционного права, в том числе такой подход закрепляется в действующей Конституции России 1993 г. Наконец, еще один методологический аспект заключается в том, что мы оцениваем исторические события, исходя, прежде всего, из современных представлений об окружающем мире, но и имея в виду, для объективности анализа, также и историческую реальность.

В России применительно к указанному периоду ситуация в этом отношении была существенно иной, чем в Европе, в частности, естественное право на свободу для большинства жителей тогдашнего Московского государства (затем - Российской империи) масштабно ограничивалось нормами позитивно-крепостного права, при этом правовое положение различных категорий населения кардинальным образом отличалось. Тем самым попирались указанные выше естественные права, и прежде всего применительно к представителям низших сословий. Наиболее ярко это отражалось в нормах крепостного права в виде возможности купли-продажи крестьян, что являлось признаком рабства. Такой крепостнический режим оказывал пагубное влияние на менталитет русского человека - он прививал холопское послушание крестьян своим хозяевам, сковывал личную инициативу и предприимчивость, порождал безнаказанность хозяев крестьян, культивировал лень, лень, угодничество и другие негативные человеческие качества.

Однако природа отдельного человека как живого существа и его сообществ такова, что совокупное ограничение естественных прав, переходя черту терпимости, во многом определяет протестные выступления различных категорий населения (в абсолютном большинстве представителей низших сословий) в стремление реализовать свои естественные (природные) права.

В России эти протесты в XVII-XVIII вв. приобретали все более массовый и организованный характер, из них наиболее крупными следует назвать восстания под предводительством С.Т. Разина (1667-1771 гг.), К.А. Булавина (1707-1708 гг.), Е.И. Пугачева (1773-1775 гг.). Сами по себе эти протесты в контексте рассматриваемой в настоящей работе проблематики показывали, что баланс между нормами естественного права и нормами

позитивного права был явно нарушен, то есть, указанные выше ограничения естественных прав представителей низших сословий нормами позитивного права явно не соответствовали значимости указанных выше фундаментальных социальных ценностей общественным отношениям, сложившимся накануне, в процессе и после европейских буржуазных революций. Следует заметить то важное обстоятельство, что одной из причин такого дисбаланса в России было отстранение абсолютного большинства населения в выработке норм позитивного (государственного) права в каких бы то ни было формах. Такого рода юридические нормы исходили только лишь от монарха и подчиненных ему властных структур и, соответственно, отражали интересы высших сословий, в то время как в Европе во многих странах уже функционировали избираемые населением парламенты (хотя и с неравным избирательным правом); в нашей стране постоянно действующий парламент в масштабе всей страны в лице Государственной Думы появился, как известно, лишь в начале XX в., и тоже с неравным избирательным правом).

В результате между позитивным и естественным правом периодически и накопительно вызревали все более острые социальные конфликты, формой разрешения которых в то время стали массовые протесты населения России. Подобного рода массовые протесты стали носить все более организованный характер. Самым масштабным стало протестное движение (бунт) под предводительством Емельяна Пугачева, которое мы рассмотрим подробнее в контексте взаимодействия естественного и позитивного (государственного) права. При этом мы исходим из основных характеристик этого протестного движения, подробно раскрытых в трудах В.Я. Мауля, А.А. Колотушкина, Н.М. Кулбахина, А.Е. Балтинского, Т.С. Романюк, В.М. Матвеева, С.В. Джунжузова, Н.Ф. Дубровина, А.И. Андрущенко, И.М. Гвоздиоковой, В.И. Буганова, В.В. Мавродина, Р.В. Овчинникова, А.И. Дмитриева-Мамонова, Ю.Н. Смирнова, А.Л. Устинова, И.В. Побережникова, А.И. Гайсиновича, Е.Н. Трефилова и других авторов.

Следует заметить, что в этом протестном пугачевском движении обнаружили объединительное начало стихийно возникающие недовольства низших сословий против закабаления и тяжелых условий жизни. При этом, разумеется, ни сам Пугачев, ни его сторонники выступали не целенаправленно под флагом борьбы за естественные права человека (а государственная идеология Пугачева, как известно, не выходила ограничивалась все тем же абсолютизмом, то есть царь должен быть, но другой – справедливый, добрый, защитник, обездоленных. А движущей силой восстание было стремление к улучшению жизни простых людей, что, собственно, декларировал и Пугачев. В нашем случае это как раз и есть стремление обеспечить естественные права, и, прежде всего, право на свободу, достоинство личности, личную неприкосновенность (да и право на жизнь у представителей низших сословий было защищено в гораздо меньшей степени, чем у иных категорий населения России). Как видно, восстание Пугачева объективно было направлено на обладание восставшими указанных выше социальных ценностей, предусмотренных естественным правом и, соответственно, данное протестное движение с позиции естественного права следует признать правомерным. Еще один довод в ее пользу заключается в огромном числе восставшего населения (по разным оценкам, до ста тысяч), представлявшего разные категории (казаки, крестьяне, беглые преступники и др.) на огромных пространствах Южного и Среднего Урала, Среднего Поволжья и Сибири, южных губерний Европейской России [1].

Но это - с одной стороны. А с другой стороны, Пугачев посягнул на государственную власть, закрепленную позитивным (государственным) правом в виде множества соответствующих законов, отражающих фактически складывавшиеся общественные отношения. И власть, исходя теперь уже из этой позиции, поступало предписанным законом образом, подавляя бунт. Например, во время следствия и суда над Пугачевым применялись нормы Соборного уложения 1649 г., где, в частности, в ст. 1 гл. II указывалось: «Будет кто при державе царского величества, хотя Московским государством завладеть и государем быть и для того своего злово умышления начнет рать

збирать, или кто царского величества с недругами учнет дружитца, и советными грамотами сылатца, и помочь им всячески чинить, чтобы тем государевым недругам, по его ссылке, Московским государством завладеть, или какое дурно учинить, и про то на него кто известит, и по тому извету сыщется про тое его измену допряма, и такова изменника по тому же казнить смертию» [2, с. 41]. Нужно также иметь в виду, что в то время естественные права человека не находили прямого закрепления в российских законодательных актах, и в связи с этим не защищалось должным образом, например, крепостной крестьянин был лишен личной свободы, но его жизнь все же находилась под защитой государства, так как за его убийство полагалась уголовная ответственность (другой вопрос, что ее соразмерность зависела опять же от сословного положения убийцы). Поэтому практическое значение могло иметь лишь позитивное право. На стороне этого права была вся мощь принудительных государственных органов, которая в итоге оказалась сильнее народного восстания. Соответственно, со стороны позитивного права Пугачев и многочисленные его соратники были объявлены преступниками и осуждены. И тем самым позитивное право взяло верх над правом естественным. Парадокс ситуации заключается в том, что к государству никаких претензий быть не должно, поскольку оно обязано было исполнять действующие законы, в то время как пугачевцы совершили государственное преступление согласно действующим тогда законам.

Не будем также забывать о том, что восстание было сопряжено с множеством общеуголовных преступлений (в числе которых убийства, разбои, поджоги, уничтожение имущества и др.), что само по себе представляет основание для суровых уголовных репрессий лиц, их совершавших. С этой точки зрения Пугачева и его сподвижников на законном основании можно считать заурядными разбойниками. И преимущественно таковым он, собственно, и представлялся в дореволюционной России. Во всяком случае, в литературе имя Пугачева сопрягалось обычно с такими понятиями, как «мятеж», «шайка», «разбойник» и др. [3, с. 705] Даже первоначальное название рукописи Пушкина - «История Пугачева», как известно, было весьма негативно воспринято императором Николаем I, так как в таком, казалось бы, безобидном заголовке, было усмотрено наличие неких исторических заслуг за Пугачевым, и в результате пушкинская работа была напечатана с измененным названием: «История Пугачевского бунта», дабы не было никаких сомнений по поводу фамилии Пугачев [4].

Вместе с тем Пугачев объективно выражал стремление огромного количества людей реализовать свои естественные права. Данное обстоятельство определенным образом не только объясняет, но и, на наш взгляд, в некоторой степени оправдывает восстание, но, разумеется, с высоты более позднего времени, когда естественные права сформировались как признанный институт общества. Не случайно в советский период именем Пугачева чуть не в городе нашей страны называлась улица, а в Саратовской области есть и город Пугачев. Да и сейчас, спустя тридцать лет после распада СССР, россияне в большинстве своем склонны считать Пугачева народным заступником. Но при этом комментарии в исторической литературе становятся более умеренные. Так, в одном из учебных пособий лишь констатируются события, объединенные понятием «крестьянской войны Пугачева» без каких-либо оценок, хотя косвенно проглядывается все же симпатия к Пугачеву. Это проявляется, например, в том, что ставятся в один ряд крестьянская война Пугачева и Французская буржуазная революция [5, с. 137]. В другом издании, также предназначенном для старшеклассников, пугачевское движение характеризуется следующим образом: «выступление народа против феодального гнета» и ничего не говорится, как и в предыдущем случае, о том, что восставшие нарушали действующие тогда законы [6, с. 43] (и в этом контексте, как представляется, восстание Пугачева еще недостаточно изучено - как справедливо отмечает В.Я. Мауль, «казалось бы,

благодаря обстоятельным работам о Пугачевском бунте выявлена максимально доступная совокупность фактов, однако это не более чем иллюзия, самообман, ибо на проверку оказывается, что о грандиозном и судьбоносном событии прошлого известно необычайно мало» [7, с. 29]; в этом же ряду можно назвать и версию об организации и финансировании пугачевского восстания сторонниками, в том числе зарубежными, убитого Петра III, однако этот аспект мы не рассматриваем).

В данном случае, как видно, столкновение естественного и позитивного права также не позволяет однозначно оценивать протестное движение Пугачева. Правовое противоречие дополняется и противоречием личностей. Для подавления бунта Пугачева-преступника, как известно, посылались правительственные войска, в том числе под командованием нашего легендарного полководца Суворова, который действовал от имени государства (бое столкновений все же не было, так как восстание было подавлено быстрее, чем к месту событий прибыл полк Суворова), и получалось, что один народный герой выступил против другого народного героя.

Драматичность ситуации, если не сказать трагичность, налицо. Не меньшая драматичность и в отношениях Пугачева и Екатерины II. Императрица представляла собой государственного деятеля, которому не были чужды как раз многие идеи европейских мыслителей, в том числе, как это не парадоксально, касающиеся естественных прав человека. В этом смысле нельзя не отметить ее известный «Наказ», где она, касаясь сферы уголовного права, повторяет многие мысли знаменитых мыслителей-либералов Монтескье и Беккариа, которыми восхищалась [8, с. 234]. В этом правовом сочинении, написанном задолго до пугачевского восстания, она указывала, в частности, что смертная казнь возможна только в одном случае - когда гражданин, будучи лишен свободы, «имеет тем не менее средства и власть, могущие возмутить народное спокойствие» [9, с. 365]. Но на деле Пугачев «возмутил», не будучи лишенным свободы, и здесь императрица противоречила себе (впрочем, официально «Наказ» не был актом прямого действия). Вместе с тем Екатерина II была законодателем, и при желании могла, конечно же, своей волей, а значит волей государства, изменить законы. Этого не произошло. И получается, что просвещенная императрица, внесшая огромный вклад в развитие государственности России, санкционировала смертную казнь Пугачеву - тогда преступнику, а позже народному герою.

Как показывает история, на определенном этапе развития социальных отношений позитивное право входит в непримиримое противоречие с правом естественным, и разрешать это противоречие тогда, при переходе от феодального государства к буржуазному, удавалось лишь путем принуждения и насилия. Для достижения естественных прав в тот период нередко приходилось идти преступным (в соответствии с действующими тогда законами) путем, ибо иначе позитивное право не позволяло изменять самое себя. Данное явление еще не стало предметом специальных исследований, однако в отечественной литературе вопросы, связанные с ним, уже поднимаются. Так, Ю.И. Гревцовым указанное явление характеризуется как «патология права». При этом отмечается, что при определенных обстоятельствах, по мнению этого автора, «правонарушения, включая преступность, могут быть, и бывают, нормальным социальным фактом» [10, с. 212]. Это довольно смелое суждение для правоведа, и не случайно данный автор делает следующую оговорку: «чтобы согласиться с такой оценкой правонарушения, необходимы немалые силы ума, с тем чтобы освободиться от традиционных представлений на этот счет. Этому может способствовать понимание того, что такая роль характерна не для всех противоправных отклонений. Кроме того, положительный эффект преступности проявляется в перспективе» [10, с. 212]. Для подтверждения своей мысли указанный автор приводит следующий пример, в свое время

прокомментированный Э. Дюркгеймом. Так, Сократ, согласно афинскому праву, совершил преступное деяние, и его осуждение было правомерным. Вместе с тем, его преступление, связанное с непозволительной самостоятельностью мысли, «оказалось полезным не только для его родины, но и для человечества в целом, так как служило подготовке новой нравственности и новой веры, в которых нуждались тогда Афины, потому что традиции, которыми жили до сих пор, не отвечали новым условиям» [11, с. 78].

Для анализа данной гипотезы возьмем исследуемое пугачевское восстание. К нему присоединилось огромное количество населения, испытывавшего недовольство существующим положением вещей, на что выше мы обращали внимание. Зададимся вопросом: входили ли в армию Пугачева заведомые преступники, то есть, опасные для общества люди? Ответ однозначен – нет. Это были в абсолютном своем большинстве простые жители низших сословий, причем представлявшие различные категории населения – крестьян (они, как известно, преобладали), рабочих уральских заводов, казаков – тех, которые составляли большинство российского общества того времени; другими словами, они сами представляли собой общество. В этой связи нужно иметь в виду и то обстоятельство, что «во время пугачевского восстания в совместных действиях проходила консолидация крестьянства на основе общих интересов составлявших его групп. Ломались искусственные сословные перегородки между отдельными категориями крестьян, а также между крестьянами и близким неподатным населением (отставными солдатами, казачеством и т.д.)» [12, с. 159], то есть, протестное движение способствовало развитию организующих самоуправленческих начал среди простого народа, что, очевидно, повлияло и на последующее крестьянское движение [13].

И с позиций современного понимания естественного права именно их интересы должно было отражать позитивное право. На деле же было наоборот, то есть, позитивное право, в силу исторических особенностей человеческого сообщества, закрепляло интересы прежде всего меньшинства, а именно правящего сословия. Подобное положение, как отмечалось, не соответствовало концепции естественного права, поскольку низшие сословия существенно ограничивались в основных правах. Такое ущемление и стало движущей силой движения протеста.

Мирным путем в тех обстоятельствах добиться улучшения низшие сословия не могли, поскольку тому не позволяли запреты, выраженные в нормах позитивного права, не было в России и легальных оппозиционных движений. Более того, эти запреты породили эффект взрыва парового котла, когда накапливающийся пар был доведен до давления, которого не выдерживают стенки котла, – в нашем случае это терпение людей. На определенном этапе терпение лопнуло, и основательно, масштабно, несравнимо с предшествующими локальными прорывами. К протесту против невыносимых условий жизни прибавились элементы социальной мести – против тех, кто олицетворял виновников людских страданий. Добавим сюда низкий уровень образования и культуры крестьян и рабочих. Все это привело к тому, что протест принял во многом уродливые формы, и прежде всего речь идет о совершении так называемых общеуголовных преступлений. И получилось следующее. С точки зрения естественного права протест низших сословий был оправдан. С точки зрения позитивного права протест оправдать нельзя, ибо нарушались действующие законы, и обществу действительно причинялся вред, как и любым другим преступлением.

В целом же, как представляется, имея в виду рассматриваемый контекст данного явления, преступления пугачевцев для будущего России имели положительное значение, поскольку заставили самодержавие предпринимать впоследствии более активные меры, направленные, в конечном итоге, на полное освобождение крестьян от крепостной зависимости. Хотя, разумеется, назвать это явление нормальным невозможно. Здесь

действительно имеет место определенная патология права, когда обе противостоящие стороны (в нашем случае государство и массы протестующих) одновременно были по-своему и правы, и не правы. Государство исполняло свою обязанность по наведению в обществе порядка, основанного на действующих законах, то есть, на нормах позитивного права, а массы протестующих добивались обеспечения своих естественных прав, не имея возможности сделать это легально, поскольку не позволял характер законов того времени. Как писал отечественный правовед Е.Н. Трубецкой, если действующее позитивное право не соответствует требованиям добра и находится в полном с ним противоречии, то естественное право звучит как призыв к усовершенствованию и играет роль движущего начала в истории, является необходимым условием всякого прогресса, развития права [14, с. 67]. История показала, что такое «усовершенствование» на определенных этапах развития общества может сопровождаться весьма бурными и драматическими событиями. В рассмотренный период истории они принимали форму массовых движений представителей низших сословий российского населения.

Данная коллизия естественного и позитивного права не имеет, как представляется, какого-либо оптимального решения, то есть она в немалой степени тупиковая, и в этом особенность противоречия, характеризуемого патологией права. Именно из-за такой патологии, достигшей в данном конкретном случае крайнего проявления, были созданы общественно-политические и соответственно правовые условия для совершения преступлений, в совокупности направленных на благие цели. И хотя со времени пугачевского бунта прошло почти двести пятьдесят лет, эта тема актуальна и в современной России - на фоне ухудшения экономических показателей и снижения уровня жизни значительной части россиян (так, в начале 1990-х гг., когда также наблюдался экономический кризис, в литературе высказывалась мысль о возможности русского бунта в новых условиях [15]). Недавние события в США, когда 7 января 2021 г. толпа протестующих (сторонников проигравшего выборы президента Д. Трампа) с использованием насилия ворвалась в Капитолий, причем это произошло вообще впервые в истории страны, лишний раз показывает актуальность рассматриваемой проблемы. Поэтому, как представляется, депутаты разных уровней, политики, общественные активисты, чиновники должны делать соответствующие выводы в своей деятельности.

Список литературы

1. Кулбахтин Н.М., Балтинский А.Е. Соотношение сил в Крестьянской войне 1773-1775 гг. // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 4. С. 1623-1629.
2. Кулбахтин Н.М., Балтинский А.Е. Соотношение сил в Крестьянской войне 1773-1775 гг. // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 4. С. 1623-1629.
3. Платонов С.В. Полный курс лекций по русской истории. Пг., 1917. 705 с.
4. Судаков Г. Чем Александр Сергеевич матери-истории ценен // Рос. газ. 1999. 5 июня.
5. Данилов А.А. История России IX–XIX вв. / Справ. материалы. М.: Владос, 1998. 429 с.
6. Яковер Л.Б. Справочник по отечественной истории. М.: Сфера, 1996. 142 с.
7. Мауль В.Я. Русский бунт как актуальная проблема современной гуманитаристики: источники, методы и перспективы изучения // История: факты и символы. 2017. № 3 (12). С. 28-34.
8. Викторский С.Н. История смертной казни в России и современное ее состояние. М.: Тип. Моск. ун-та, 1912. 327 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1842. Т. VIII.
10. Гревцов Ю.И. Очерки теории и социологии права. СПб.: Знание, 1996. 263 с.

11. Дюркгейм Э. Метод социологии / Перевод с французского. Харьков-Киев: Южно-Росс. кн. изд-во, 1899. 153 с.
12. Смирнов Ю.Н. Современные подходы к истории восстания 1773-1775 гг. // Вестник Самарского гос. ун-та. 2007. № 5/3. . 158-167.
13. Мауль В.Я. Чигиринские вольнодумцы в поисках крестьянской правды // [QUAESTIO ROSSICA](#). Т. 8. № 4. С. 321-1334.
14. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1908. 204 с.
15. Канищев В.В. Русский бунт - бессмысленный и беспощадный: Погромное движение в городах России в 1917-1918 гг. Тамбов: ТГУ, 1995. 162с.

References

1. Kulbakhtin N.M., Baltinsky A.E. The balance of forces in the Peasant War of 1773-1775 // Bulletin of the Bashkir University. 2014.Т. 19.No. 4.S. 1623-1629.
2. Kulbakhtin N.M., Baltinsky A.E. The balance of forces in the Peasant War of 1773-1775 // Bulletin of the Bashkir University. 2014.Т. 19.No. 4.S. 1623-1629.
3. Platonov S.V. A complete course of lectures on Russian history. Pg., 1917.705 p.
4. Sudakov G. What is the value of Alexander Sergeevich to mother history // Ros. gas. 1999.5 June.
5. Danilov A.A. History of Russia IX-XIX centuries. / Ref. materials. Moscow: Vlados, 1998.429 p.
6. Yakover LB Handbook of Russian history. Moscow: Sphere, 1996.142 p.
7. Maul V.Ya. Russian revolt as an urgent problem of modern humanities: sources, methods and perspectives of study // History: facts and symbols. 2017. No. 3 (12). S. 28-34.
8. Victorsky S.N. The history of the death penalty in Russia and its current state. М. : Type. Moscow University, 1912.327 p.
9. Complete collection of laws of the Russian Empire. Second meeting. SPb., 1842.Т. VIII.
10. Grevtsov Yu.I. Essays on the theory and sociology of law. SPb. : Knowledge, 1996.263 p.
11. Durkheim E. Method of Sociology / Translated from French. Khar-kov-Kiev: Yuzhno-Ross. book publishing house, 1899.153 p.
12. Smirnov Yu.N. Modern approaches to the history of the uprising of 1773-1775 // Bulletin of the Samara State. un-that. 2007. No. 5/3. ... 158-167.
13. Maul V.Ya. Chigirin Freethinkers in Search of Peasant Truth // [QUAESTIO ROSSICA](#). Т. 8.No. 4.P. 321-1334.
14. Trubetsky E.N. Encyclopedia of Law. SPb., 1908.204 p.
15. Kanishchev V.V. Russian revolt - senseless and merciless: A thunderous movement in the cities of Russia in 1917-1918. Tambov: TSU, 1995.162s.